

О СОЧЕТАЕМОСТНЫХ СВОЙСТВАХ НЕКОТОРЫХ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ЛИТОВСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Г. КАРПУВЕНЕ

1. В центре внимания современных исследований в лингвистике, как замечал еще Н. Хомский, находится то, что можно назвать „творческим аспектом языка на уровне его повседневного использования“¹. Изучая структуру языка, нельзя игнорировать реализацию этой структуры, т.е. языковое поведение людей. Поэтому одной из главных задач теоретической семантики становится моделирование речевого поведения людей или моделирование той способности, которая называется владением языком² и которое „проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего в способности понять семантическое тождество внешне различных высказываний“³. Для того, чтобы модель выполняла операции, подобные операциям, выполняемым человеком, владеющим языком, в эту модель должна быть заложена вся необходимая информация в явном виде. При построении фраз выбор слов не произволен, а в большинстве случаев зависит от окружения, от тех слов, с которыми они связаны. Поэтому владение языком — это и способность правильно сочетать лексические элементы друг с другом, т.е. выражать заданный смысл идиоматично. Для этого важно знание способов выражения смысловых связей слов на синтагматической оси

¹ Н. Хомский, Логические основы лингвистических теорий, — Сб.: Новое в лингвистике, вып. IV, 1965, стр. 473.

² А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О семантическом синтезе, — Проблемы кибернетики, вып. 19, 1967.

А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, К построению действующей модели языка „смысл-текст“, — Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. II, 1967.

И. А. Мельчук, Уровни представления высказываний и общее строение модели „смысл-текст“. Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике. Институт русского языка АН СССР. М., 1972.

³ А. К. Жолковский, Предисловие, — Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 8, 1964, М.

языка⁴, т.е. сведения о синтаксической, лексической и семантической сочетаемости слова — сведения о его синтактике⁵.

Под лексической сочетаемостью понимается способность слова сочетаться со словами из ограниченного списка.

Семантическая сочетаемость слова — это его способность сочетаться с любым словом, в значение которого входит какой-то определенный семантический признак.

В понятие сочетаемости слова входит информация о числе его активных валентностей, их семантическом содержании и способах морфологического выражения. Термин „одновалентный“, „двухвалентный“, „трехвалентный“ и т.д. употребляется для различения глаголов по числу актантов, обязательных участников ситуации, выраженной данным словом. Напр., в ситуации, описываемой словом „давать“ три обязательные валентности⁶: субъект, каузатор действия, тот, кто дает, объект — то, что дают, и реципиент — тот, который получает. Иногда набор валентностей у слова может меняться. Обыкновенное толкование ситуации, выражаемой словом „чистить“: *x* каузирует *y* быть чистым, удаляя *z* с поверхности *y* с помощью инструмента *w*. Привычная ситуация чистки — каким-либо инструментом *w*, но в частном случае субъект может действовать рукой.

⁴ Семантическая синтагматика в последние годы стала предметом специального изучения как советскими, так и зарубежными лингвистами. См., например, Д. Н. Шмелев, Очерки по семасиологии русского языка, М., „Просвещение“, 1964; Его же, Проблемы семантического анализа лексики. Автореферат докт. диссертации, М., 1969; А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, О семантическом синтезе, — Проблемы кибернетики, 1967, вып. 19; В. Г. Гак, Беседа о французском слове, М., „Просвещение“, 1966; также работы Ч. Филлмора, Дж. Маколи, Дж. Лакова, М. Бирвиша, У. Вейнрайха, Г. Брекле и х други в сборниках статей: *Studies in syntax and semantics*, ed. by Kiefer Dordrecht-Holland, 1969; *Universals in linguistic theory*, ed. by E. Bach and R. Harms, 1970; *Studies in linguistic semantics*, ed. by Ch. Fillmore and D. Terence Langendoen, Dordrecht-Holland, 1971; *Semantics*, ed. by Donny D. Steinberg, Leon A. Jakobovits, Cambridge University press, 1971; *Semantics of natural language*, ed. by Donald Davidson and Gilbert Harman, Dordrecht-Holland, 1972.

⁵ См. И. А. Мельчук, Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними, — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. XXVII, вып. 5, 1968.

Ю. Д. Апресян, Значение и оттенок значения, — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. XXXIII, № 4, 1974.

⁶ Понятие семантической валентности, набор валентностей, понятие факультативности — обязательности, выраженности — невыраженности валентностей и т.д. излагаются по работе Ю. Д. Апресяна, К построению языка для описания синтаксических свойств слова, — Проблемы структурной лингвистики, М., „Наука“, 1973.

Такие валентности, вероятные, но не во всех случаях обязательные, называются семантически факультативными.

Некоторые семантические валентности, имеющиеся у данного слова, морфологически никак не выражаются (напр., валентность отбираемого объекта в слове „грабить“⁷). Если предложение, содержащее слово с какой-то нереализованной в тексте валентностью, правильно, то эта валентность является синтаксически факультативной. Часты случаи невыраженности валентности, когда ее значение инкорпорировано в значение самого слова. При семантическом инкорпорировании некий смысл представлен в толковании слова постоянной, в то время как у похожих глаголов, но без семантического инкорпорирования, на том же самом месте толкования стоит переменная (ср. валентности средства в глаголах *смолить* и *покрыть*; смолить можно только смолой, а покрыть любым средством). Постоянный смысл инкорпорированной валентности может выражаться повторно, если речь идет о каком-то виде этого смысла (напр., *смолить* *отвратительно* *воняющей смолой*). Семантическое инкорпорирование очень характерно для английских глаголов, образованных от существительных путем конверсии.

Наблюдаются случаи, когда валентность выражает не одно, а сразу несколько значений, реализуемых одной морфологической формой. Такую ситуацию будем называть синкретизмом (напр., *везти* на пароходе, где форма „на пароходе“ синкретично выражает два валентных значения — места и инструмента).

Всю необходимую информацию о слове удобно записывать в форме так называемой модели управления (МУ)⁸, напр.:

подарить

1 = x – Sub	2 = y – Obj	3 = z – Recip
I. s им. одуш. (мать) обяз.	I. s вин. (книгу, собаку) обяз.	I. s дат. одуш. (брату)

⁷ Ср. анализ этого слова в: Ch. Fillmore, *Types of lexical information in: Studies in syntax and semantics*, ed. by F. Kiefer, Dordrecht-Holland, 1969, p. 114.

⁸ См., например, Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук, *Об одном способе изучения сочетаемости слов*, — *Русский язык в национальной школе*, 1969, № 6.

2. Данная работа является попыткой иллюстрации сочетаемостных свойств некоторых двухвалентных каузативных глаголов литовского и английского языков.

Термин „каузативный глагол“ обозначает такой глагол, в значение которого входит лексическая функция *Caus* — „каузировать, вызывать определенное действие или состояние какого-то лица или предмета, делать так, чтобы нечто имело место“⁹. Материал работы — каузативные — фактитивные¹⁰ глаголы, имеющие идиоматично выраженный результат или квазирезультатив (т.е. результатив с добавлением какого-то смысла, напр., начинательности) в форме некаузативного глагола (убить — умереть, согнуть — согнуться), существительного или прилагательного с полувспомогательным глаголом (веселить — быть веселым; ранить — рана).

Как литовские, так и английские каузативы подразделяются на несколько групп по числу их активных валентностей: двухвалентные, трехвалентные, четырехвалентные и т.д. Это — синтаксическая классификация. Кроме того, в каждой группе, начиная с трехвалентных каузативов, выявляется несколько подгрупп с разным набором валентностей. Это — семантическая классификация.

У очень многочисленных двухвалентных каузативов два обязательных участника: субъект ситуации *Sub* и объект ситуации *Obj*.

Когда субъект, каузатор действия, представляет собой лицо, агенс, действие, выражаемое глаголом, может быть произвольным, целенаправленным или непроизвольным. Фраза *jis išmušė langą alkūne — he broke the window with his elbow* допускает два осмысления: намеренное (кто-то это сделал) и ненамеренное (с кем-то это случилось). Такая речевая многозначность часто усматривается в предложениях, содержащих каузативный глагол и инструментальное дополнение¹¹, и создается в предложении определенной совокупностью языковых средств, каждое из которых в отдельности может быть совершенно однозначно¹².

Если же валентность субъекта заполнена именем отвлеченного понятия, каузация является непроизвольной: *jis nulaužė šaką — vėjas nulaužė šaką; he broke the branch — the wind broke the branch; jis pralinksmino mane — naujiena pralinksmino mane; he cheered me up — the news cheered me up.*

⁹ См. цит. работу А. К. Жолковского и И. А. Мельчука, 1967.

¹⁰ См. о фактитивных, пермиссивных и ассистивных каузативах в: В. Г. Недеялков, Г. Г. Сильницкий, Типология каузативных конструкций, Л., 1969, стр. 28.

¹¹ См. анализ предложений с целевым и нецелевым *with* в: G. Lakoff, *Instrumental adverbs and the concept of deep structure*, *Foundations of language*, vol. 4, 1968.

¹² Ю. Д. Апресян, О регулярной многозначности, — *Известия АН СССР*, т. XXX, вып. 6, 1971.

Непроизвольный каузатор не производит действия, а лишь является носителем признака или состояния, объективной причиной, каузирующей действие или состояние объекта: напр.: *šaltis raudino man skruostus – cold flushed my cheeks*. Это еще более очевидно в трансформированных предложениях с причинным оборотом: *skruostai raudo nuo šalčio – the cheeks flushed from cold*.

Иногда, особенно когда каузатором является существо, требуется эксплицитное выражение способа каузации. Значение способа может выражаться формой творительного падежа в литовском языке и конструкцией *with + S* в английском языке: *jis sustabdė mane linktelėjimu – he stopped me with a nod* или за счет усложнения группы подлежащего. В последнем случае каузатор выражается именем в притяжательном, а способ каузации – именем в абсолютном падеже: *jo linktelėjimas mane sustabdė – his nod stopped me*.

Как правило, способ каузации редко выражается в предложении, где каузатором является нелицо.

Среди двухвалентных каузативных глаголов обоих языков выделяется несколько групп, которые различаются большей или меньшей дифференцированностью значения объектной валентности слова и тем самым своими сочетаемостными возможностями. Одна из них – группа каузативов со значением „извлекать какой-то звук“. Звуки вообще могут подразделяться на большое число разновидностей, из которых для нас важны звон и крик. В выражении этих значений литовский и английский языки сильно различаются. Например, в английском языке есть целая группа глаголов для одного только выражения каузации звука колокола, употребляемых в зависимости от величины, числа колоколов, громкости, резкости звона. *To ring* – общее слово, употребляемое независимо от указанных качеств, *to tinkle, jingle* – каузировать легкие быстрые звуки маленьких колокольчиков, бубенчиков; *to peal* – каузировать громкий звон, трезвонить; *to jangle* – каузировать резкие, нестройные звуки, брнчать; *to toll* – каузировать медленный, торжественный, регулярно повторяющийся звон, обычно церковных колоколов; *to chime* – каузировать музыкальный звон. В литовском языке это значение обычно выражается родовым словом *skambinti*.

С другой стороны, в литовском языке каузация крика может передаваться многими разными словами, в зависимости от значения слов, заполняющих их вторую – объектную валентность: *rikdyti, virkdyti* (человека) *supinti* (человека, собаку), *kaukinti* (собаку, волка), *lodyti* (собаку), *kleginti*, (гусей), *žvigdyti* (свиней), *gaginti* (уток, гусей), *kvarkinti* (лягушек) и т.д. Ограничения на сочетаемость в указанных случаях не могут быть сформулированы в терминах семантических признаков, они не могут быть заданы

иначе как с помощью списка слов, способных замещать объектную валентность. Это лексические ограничения сочетаемости данных глаголов.

В английском языке вообще нельзя однословно выразить эти значения. Они передаются с помощью каузативной связки *make* или *cause* и соответствующего некаузативного глагола со значением крика: *to make smb. cry, shout; to make the dog bark; to make the pig screech*.

Аналогичное различие обнаруживается и у каузативов со значением „каузировать кого-то заговорить, засмеяться“ (лит. *šnekinti, kalbinti, juokinti* передаются только каузативными конструкциями *to make smb. talk, laugh*). Здесь ограничение на сочетаемость семантическое – валентность объекта может быть замещена словами со значением „человек“.

Группа двухвалентных глаголов, со значением „каузировать уменьшиться“¹³ свидетельствует о большей дифференцированности значения объектной валентности в английском языке. Глагол *to decrease* на место своей объектной валентности принимает любое слово с семантическим признаком размера, величины, объема, количества, числа или интенсивности чего-либо и обычно предполагает длительное или прогрессирующее уменьшение: *her words decreased my fears; a compress will decrease the swelling*; глагол *to lessen* – слова со значением числа или интенсивности: *cold water lessened the pain; I shall have to lessen the number of books in the library; to reduce* – указывает на уменьшение количества, веса, размера, протяженности, а *to diminish* замещает свою объектную валентность словами со значением размера, часто связанным со значением потери, утраты: *the new bridge will reduce the distance; the government is going to reduce the taxes; his refusing to help the girl diminished his authority among the village people; war diminished the wealth of their country considerably*. Общим семантическим ограничением для английских глаголов *to curtail, to abbreviate, to abridge, to retrench* является требование заполнить объектную валентность словами со значением объема, размера, а в случае *to shorten* – срока, продолжительности или длины.

Наряду с семантическим ограничением, у каждого из этих глаголов наблюдаются и лексические ограничения, которые вытекают из значения самого слова, напр., у глагола *to shorten* объектная валентность может быть замещена словами, указывающими на длину какого-то предмета или продолжительность процесса: *to shorten a rope; to shorten the time of waiting. To curtail* указывает на то, что каузируемый объект по причине действия, производимого над ним, становится неполноценным, неадекватным: *to curtail expendi-*

¹³ Если считать существенной для таких глаголов валентность количества *Quant*, то их надо отнести к разряду трехвалентных глаголов.

tures, one's freedom, power; to abbreviate предполагает отнятие какой-то части, которая в нормальных условиях должна бы быть сохранена: *to abbreviate a word, a phrase; to abridge* указывает на такое уменьшение объема, когда у остающейся части сохраняются все существенные элементы: *to abridge a course of study, a text; to retrench* акцентирует уменьшение того, что кажется излишним, чрезмерным: *to retrench a long speech, expenses*.

Всем этим каузативам соответствует глагол *sumažinti* в литовском языке, объектную валентность которого могут заполнять слова с разным семантическим смыслом (*sumažinti išlaidas, knygų skaičių, mokesčius, svorį, plotą, galimybes, atstumą, kainas*), глагол *sutrumpinti* с семантическим ограничением на сочетаемость — его объектная валентность может быть замещена любыми словами со значением „длина, протяженность“ (*sutrumpinti suknelę, virvę, kalbą, žodį, sakinį, mokslo metus, pamoką*) и глагол *apriboti*, на месте объектной валентности которого могут стоять только слова, передающие такие отвлеченные понятия, как *valdžia, teisės, žodžio laisvė* и т.п.

Похожие несоответствия между литовским и английским языком в области сочетаемости наблюдаются и в группе каузативов со значением „увеличивать“.

Английские каузативы со значением „уничтожить“ показывают большую дифференциацию по реализации их объектной валентности, чем их литовские эквиваленты. Глагол *to destroy* принимает слова со значением как одушевленных существ, так и неодушевленных предметов или отвлеченных понятий на место объектной валентности: *to destroy people, their lives, one's happiness, hopes, a house a city, a picture, a manuscript; to demolish* сочетается чаще всего со словами, означающими строения: *to exterminate* — со значениями „одушевленные существа“, „растения“; *to exterminate weeds, vermin, people; to extinguish* замещает свою объектную валентность словами со значением отвлеченных понятий, особенно чувств: *to extinguish light, a fire, desire, hope, love*.

В литовском языке глагол *naikinti* сочетается с любыми словами со значением „одушевленное существо“, „растение“ или „предмет“: *naikinti žmones, žvėris, peles, miškus, piktžoles, naikinti daiktus*. Когда объектом является отвлеченное понятие, значение уничтожения может передаваться с помощью переносного значения слов *griauti, daužyti (viltis, laime, svajones)*.

Объектная валентность глаголов со значением „каузировать, частичное или полное повреждение, порчу“ может быть заполнена: а) только словами со значением отвлеченных понятий: *to impair (strength, health, vision, services)*, б) словами, обозначающими материальные предметы или отвле-

ченные понятия: *to damage (a picture, crops, a car, a house, reputation), to mar (one's work, happiness, a face)* или в) словами со значением одушевленных существ, предметов и отвлеченных понятий: *to injure (a person, his body, feelings, the sight, smb's health, a picture, a roof, crops), to ruin (a person, his prospects, happiness, a new hat, crops), to wreck (a person, his fortune, a ship, a train, one's hopes, an undertaking).*

Когда объектная валентность заполняется словами, означающими предмет или отвлеченное понятие литовский язык передает значение каузации повреждения родовым словом *gadinti (išvaizdą, suknelę, paveikslą, mašiną, derlių, žmogaus ateitį, reputaciją, regėjimą, sveikatą, atostogas)*. Если объектная валентность заполнена словом, выражающим чувство, эмоцию, то литовский язык обычно пользуется переносными значениями слов: *drumsti (linksmybę, džiaugsmą), užtemdyti (laimę), sužeisti (jausmus)*.

Одной из групп литовских каузативов, показывающих большую дифференцированность по значению объектной валентности, являются глаголы со значением „открыть, закрыть“. Английские каузативы не показывают больших ограничений сочетаемости — родовым словом *to open* можно выразить каузацию открытия любого предмета: *to open a door, a window, a gate, a box, a drawer, an envelope, a book, the curtains, one's fists, one's, mouth, one's eyes*. То же самое наблюдается и в случае выражения значения „закрыть“ словами *to close, to shut*.

В литовском языке употребление родового слова *atidaryti* намного более ограничено. Хотя во многих случаях каузацию изменения положения из закрытого в открытое можно выразить словом *atidaryti (langą, duris, vartus, stalčių, dėžę)*, некоторые объекты предполагают употребление другого глагола, их сочетаемость лексически ограничена, напр.: *atverti duris, langą, atkelti vartus*. Каузирование открытия некоторых объектов вообще не может быть выражено общим словом *atidaryti*. Нельзя, напр., *atidaryti knygą, sąsiuvinį, voką, akis, burną, kumščius*. Все эти объекты требуют разных глаголов, указывающих на способ, манеру действия: *atversti knygą, sąsiuvinį, atplėšti voką, atgniaužti kumščius, atmerkti akis, pračiąpti lūpas, pražiodyti* (инкорпорирована валентность объекта). Обратная каузация закрытия передается соответствующими глаголами с суффиксом *už-*: *uždaryti, užverti, užversti, užmerkti* и т.д.

Приведенные примеры являются лишь иллюстрацией того факта, что между словами с родственным значением и даже в случае точной синонимии между синонимами могут обнаруживаться интересные различия в сочетае-

мости. Изучение таких различий очень важно для обеспечения правильности понимания и говорения на изучаемом языке, тем более, что они часто не находят отражения в словарях.

Vilniaus V. Kapsuko
universitetas
Anglų filologijos katedra

Įteikta
1974 m. rugsėjo mėn.

ON DISTRIBUTIVE PROPERTIES OF SOME TWO-PLACE CAUSATIVE VERBS IN LITHUANIAN AND ENGLISH

Summary

The aim of the paper is the comparative analysis of semantic structure of some two-place causative verbs in Lithuanian and English. The attention is focused on distributive properties of these verbs.